

Сбереженная классика

Рассказы орловского писателя Татьяны Грибановой отдают уже утраченной русской прозой свежестью. Это сбереженная классическая традиция в рамках нового русского времени. Русский уклад, русская речь и родной язык, как они были и как еще есть в их неизъясимой прелести и завораживающей простоте, – вот центр, вот в чем и где философия, загадка и расшифровка настоящей книги.

Рассказы Татьяны Грибановой широко печатались в толстых литературных журналах Москвы и России – в «Нашем современнике», «Молодой гвардии», «Московском вестнике», «Сельской нови», «Родной Ладоге», «Подъеме» и многих других.

Анатолий Загородний. лауреат премии имени Бунина

Татьяна Грибанова

Сытный месяц

Полгода как деда Михея пристроили к Петруше. Отец пообещал: «До школы. Как учиться пойдешь. Дениске под пригляд сдать».

Пете шесть с хвостиком. Дениска на год помладше. Дед Михей счет летам своим не ведает: «Чего их считать-то? Все, как есть, мои». Уже года два дед живет, не задумывается. По разуму стоит на одной ступеньке с Дениской. Видать, поэтому и интересы у них схожие. То у радиолы лишние детали обнаруживают, то из головаржиков, что в кадлушку запустили, для селезня Гышки лягух выращивают, а то вздумают проверить, сколько стаканов сметаны в коту Пушка поместится. Мало Петруше Дениса, так еще дед ополоумел, свалился на его голову. Глаз да глаз и за старым, и за малым.

А у Пети и своих дел невпроворот. И в поле смотаться надо бы, там уборочная началась, на комбайне Петрович обещался дать порулить. И за карасями в этом году только раз пришлось вырваться. У Кольки Титова под сараем снизки сохнут, а тут из-за деда не выбрал рыбицу даже у Тимкина овражка, где месяц прикармливал. И в Савин лог бы сбегать, посмотреть, подрос ли куропачий выводок. Некогда даже к Макаровне в сад шмыгнуть. Доска в заборе с прошлого года на одном гвозде. Титок уж побывал, пипин, говорит, поспел. Ему что, Кольке-то, у него деда на руках нет!

Облака, обложившие до свету хутор, рассыпаются, солнце выглядевает прямо над их хатой, и день разгуливается. Петруша, всучив Михею и Дениске шапки, отправляет игроков

в тени под липки сражаться в Чапая. Принесит с веранды для Дениса панамку, для деда Михея – легоновый картуз.

Часок-другой, пока игроки стараются обжужничать друг друга. Петя ковырнется в древнем, как дед Михей, велике. Неделю назад развалил у крыльца, а справить руки не доходят. «Соберешь тут с ними, как же!» – сердится Петя и замечает, как Денис подгалкивает локтем с доски дедову шапку. Михей, поглощенный поеданием красной смородины, кисточки которой дергает из миски, не замечает шельмовства. Напряженно морщит и без того порожистый лоб. Картуз сдвигает на затылок. Сквозь жиденькие, седые до желтизны пуховые колечки проглядывает серый от безвременья череп. Дед скребет на макушке и тут соображает, как это он снова умудрился продать мальцу.

«Вся природа нашенская белогористая ды волнистая», – дед гладит Дениску, словно котенка, по кудряшкам и высыпает остатки смородины под ноги. Тут же орет бурластый петух, подлетывают голенастые бройлерки и мохнатыми лапами яростно разрезают обобранные кисточки, высккивая среди сора пропущенную Михею алую ягодку.

Дед кышкает на птиц и вынимает из душегрейного кармана поддавленные сливы. Потянув на себя сливовый дух, принимается утешаться. До Пети доносятся причмокивание. Дед обмундывает косточки, лакомится медовой «Аленовой».

В августе на старика, как он сам говорит, жор нападает. Крахмалистые помидоры, тающие во рту бесеманки, треснувший от перезрелости белый налив, росный

чернослив не дают ему покоя. Днями напротив дед пробует, жует, набирает карманы про запас.

Свой сад-огород он уже наизусть изучил-обнюхал, а потому с утра норовит улизнуть и подкормиться на чьем-нибудь соседском дворе. То огурцов ему за пазуху напихают, то насыпят в картуз яблочка-ракеток.

Август настолько щедр, что плоды его некуда девать. Хуторские не справляются с урожаем, и из садов от грузных воровох танет перепрельми медовками и пипинами. Воздух бродит винным духом прокисающих слив.

Уборочная команда под предводительством Петруши, в составе деда Михея и Дениски, нарекает за день тоненькими ломтиками несколько ведер яблоч и груш. Нанизывают на нитку и гилянды развешивают на веранде. На железную крышу расстелили клеенку, сушку прожаривают под палящим августовским солнцем. Тут же пристроили старое покрывало. На него высыпали накроенные тонкими лоскуточками духовитые подберезовики и боровники.

Пете приходится по минуте забираться по лестнице на крышу, шевелить-ворочить сушку, следить за не-

бом, чтоб, не дай Бог, не намочило продукт. Донымае обнаглешее за сытый месяц воронье. Мало ему ворохов в садах, так нет же – поподжаристой подавай. Подскочит ворога боком-бок, схватит журуренный ломтик и – прочь. Уж такой, видать, норовшкодный. Прибил Петя крестовину на фронтон. Треух дедовский нахлобучил, рубаху натянул. А птицы только насмеются над пугалом. Облепят его и сидят-перегыркиваются.

Из сараюшки доносятся чавканье и хруст сливовых косточек. Это падсвинок Бутуз лакомится. С утра Петина бригада подчистила заросли в краине под сливняком, насобирала две корзины перезрелок. Нахрустевшись, Бутуз успокаивается и замирает, лишь иногда доносится его мерный хрюк.

«Прозора, – замечает Петруша, – скоро закурить новую ладить придется». И вываливает в корыто через ведро коричневых семенников. Сладкие мисистые перестарки-огурцы разбиваются вдребезги, пахнут свежестью и спелой бакшой. Потривожненный боров открывает запывшие глаза, но с места сдвинуться не в силах. Так и засыпает, уставившись в халивный августовский корм.

Дед, вычислив шельмовство Дениски, сыплет шапки. Обижается, словно ребенок, и, поменяв бурки на войлочные

боты, отправляется с ревизией вдоль хутора. «К обеду не ждите», – завывает вьнукам и скрывается за калиткой. «Видно, деду опять пора подзаправиться. На тихую охоту торопится старый, – ехидничает Петруша, – своего девасть некуда, так еще со всей деревни ташит». Забросив велик, он отправляется по следу. Дед этого не терпит. Вьук вынужден держаться на расстоянии и появляется в самый нужный момент, когда, изрядно напробовавшись, дед для лучшего убеждения пускает слезу и вступает в рассказ о том, что грачи подергали по весне расаду и семья осталась без огурцов, помидоры колорадский жуки на корню порешили, а сад – на горе – прихватило на цветы заморозками. Хуторяне знают Михеевы замашки и щедро утешают деда.

Вечером он не вылезает на подгорье из лопухотны. Кое-как свинтив велик, шпарит на другой конец деревни за фельдшерницей Егоровной. Та ворчит: «Как август подкатит одно горе с вашим дедом». Назначает порошки-микстуры. Но дед их не признает. Ему не впервой. Ночь напролет шуршит, будто мышь запечная, точит сушку – грушу-дичку. Клинь клином вышибает.

А Петруша, пока дед лечится, не спит: «Хоть бы уж сентябрь поскорее... Дед отгостяет... В спячку заляжет... В школу пойду...»

Биография

Татьяна Грибанова – писатель.

Родилась: В деревне Игино Орловской области.

Образование: Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института (ныне ОГУ).

Работа: Работала преподавателем иностранного языка.

Творчество: Автор трех поэтических книг «Апрель», «Прощенный день», «Сказ о Судбищенской битве», книги деревенских рассказов «Лесковка». Печаталась в журнале: «Подъем», «Наш современник», Роман-журнал «XXI век», «Московский вестник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Простор», «Лик», «Родная Ладога», «Славянин», «Странник», в альманахах «Звезда полей», «Орел литературный», в периодической печати Москвы, Орла и др.

Награды и звания: Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийского конкурса «Звезда полей» им. Н.М. Рубцова (2012 г.). Специальный диплом «Прохоровское поле» за поэму «Судбищенская битва» (2013 г.).